

«Вот с какой точки нужно смотреть на предмет!»

Вскоре после смерти Ахматовой в Ленинградском нарсуде прошел процесс о правах на ее архив. Единственным наследником был сын, Лев Николаевич Гумилев, однако de facto рукописи и библиотека оказались в руках семейства Пунинных, разделявших с Ахматовой квартиру. Как во всех процессах такого рода, в этом было довольно грязно. К тому времени изрядная часть архива уже разошлась по разным хранилищам и частным коллекциям, так что пунинская сторона сосредоточилась на развитии двух главных линий: будто они были так близки с покойной, что за глаза называли ее чуть ли не «бабуля»; и будто, вообще, многое из ахматовских вещей пропало неизвестно как, например, не могут найти шубу. Шубой называлось синее люстриновое пальто с вытертым лисьим воронком. Когда тревога за судьбу шубы заставила И.Н.Пунину выступить в третий раз, а именно в ответ на обвинения Жирмунского, объяснившего суду, как разрушается цельность архива, академик рявкнул: «Вы хотите сказать, что я украл эту шубу?» Словом, тогда разговор откровенно шел о материальных ценностях.

Минуло почти 30 лет, и речь зашла о душевном. В журнале «Звезда» №1 за 1995 год появилось многостраничное эссе Леонида Зыкова о том, что ахматоведение до сих пор заблуждалось. До сих пор оно рассматривало циклы стихов «Cinque» и «Шиповник цветет» и еще несколько отдельных стихотворений, а также фрагментов «Поэмы без героя», как вызванные к жизни встречей Ахматовой в 1945 году с англичанином Исаяей Берлином и обращенные к нему. На самом деле, уверяет Зыков, за этими стихами стоит Н.Н.Пунин, с которым Ахматова прожила как с мужем почти полтора десятилетия в 20—30-е годы.

Эссе написано в соответствии с известным гоголевским замечанием, которое не откажу себе в удовольствии здесь целиком переписать. «Что обе дамы наконец решительно убедились в том, что прежде предположили только как одно предположение, в этом нет ничего необыкновенного. Наша братия, народ умный, как мы называем себя, поступают почти так же, и доказательствам служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подвезжает в них необыкновенным подлецом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не отпуща ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, поздней-

шему времени? или: не нужно ли под этим народом подразумевать вот какой народ? Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им вопросы и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, — и рассуждение заключено словами: "так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!" Потом во всеуслышание с кафедры, — и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников».

Доказательство автора эссе «Николай Пунин — адресат и герой лирики Анны Ахматовой» настолько беспомощные и наивные, что опровергаются на уровне грамматики. Ахматова ни в малейшей степени не была визионеркой, и утверждать, что она могла обратиться к покойнику: «Придетесь тебе вспоминать», — значит не понимать основ ее поэзии. Об настоящее и будущее время глаголов разбивается одна за другой каждая выкладка, причем буквально каждая. «Научный» метод — стягивания отдельных слов из дневников или писем Пунина со сходными словами из ахматовских стихов — и в семидесятые-то годы, когда это было модно, не принимался совсем всерьез, а сейчас выглядит вообще смехотворно.

Пунин пишет в 1926 году, что серые глаза Ахматовой «вчера увидел и запомнил», Ахматова в 1963-м — что «придется тебе вспоминать и гул затихающих строчек, и глаз...», — это выдается Зыковым за «еще одну очевидную переключку». (С тем же основанием можно было бы объяснить, например, что «сигары синий дымок», хотя сигар Пунин не курил, все равно относится к нему, так как в это время он уже жил с женщиной по фамилии Голубева.)

«Ледяной прибор» из стихов 1963 года — это, по Зыкову, заполярный лагерь, в который Пунин был этапирован в 1949 году. А почему, в таком

случае, «уведет от моего порога в ледяной прибор»? Порог-то был как раз пунинский, а Ахматова жила там, в одной квартире с ним и с предыдущей, и следующей его женами, просто потому что ей физически некуда было съехать. А это, не растеряется исследователь, такая поэтическая условность. А причем тут «Адажио Вивальди», в котором «встретимся опять»? А ни при чем; возможно, для красоты.

«И встретит я была готова моей судьбы девятый вал» (1956) — это, оказывается, не о гражданской смерти в результате постановления ЦК 1946 года, а о разрыве с Пуниным в 1936-м. Постановление, как считала Ахматова, было следствием ее встречи с Берлином, который как раз в 56-м году вновь приехал в Москву. Поэтому в первом варианте — «и встретит я была готова посланца белоснежных скал» (т.е. британца). А это как привязать к Пунину? — автор, дай ответ! Не дает ответа.

Специфически отталкивающее впечатление производят доводы, строящиеся на составе ахматовского сборничка, выпущенного Сурковым в 1958 году. Это о его вымученных страницах, многие из которых Ахматова, даря книжку друзьям, заклеивала, она написала — «биты кистенем». Понятно, какие доказательства можно строить, исходя из такого издания.

Манера изложения такая вязкая, словно нарочно придумана утопить несообразности, вылезавшие на поверхность. Напрашивающиеся объяснения не замечаются. Скорее всего, Пунин записал в дневнике после встречи с Ахматовой 30 декабря 1922-го, то есть за день до Нового года: «Я шестой гость на пире смерти, и все пять пили за меня отсутствующего», — по той простой причине, что «Новогодняя баллада», если и не как заверченный текст, то как конкретный замысел, уже существовала («Там шесть приборов стоят на столе и один только пуст прибор»). Уклончивое замечание, что «на тех же страницах есть свидетельство того, что Ахматова читала дневник», то есть, что пунинская запись вдохновила ее на эти стихи, относится, как тут же выясняется, к дате более поздней — через месяц после Нового года.

И так любое место на выбор. Если «красотка очень молода, но не из нашего столетия» — то это о возлюбленной Пунина, к которой он ушел от Ахматовой за 25 лет до появления этих строчек. Всех доказательств — что она родилась не в 19 веке, а в 20-м. Как, однако, понять тогда «но» — «молода, но не из нашего столетия»? Не так ли, что «мы» моложе, а не старше подлинной (а не выдуманной) героини этих стихов? (Об этом и о самой таинственной даме можно прочесть в доступных статьях и книгах, посвященных творчеству Ахматовой). И с какой стати, вообще, «Полночные стихи», по которым особенно лихо гуляет эссеист, так безапелляционно отнесены к Берлину, а не к еще кому-то? У ахматоведов на этот счет нет согласия, существуют всякие аргументы в пользу нескольких известных адресатов, начиная с Гумилева.

И так далее, и так далее.

Кстати, представление о стихах как о реакции на событие, без оговорок, что это прежде всего реакция на неизвестно откуда пришедший звук, чисто обывательское. Дескать, чему-то такому важному поэт был свидетель, чего-то участник, кто-то что-то значительное или забористое ему сказал, и поэт записал это стихами. Разумеется, и ситуация может дать толчок, и чье-то слово, но может и черт знает что. И главное, чему толчок. Ведь вот, оказывается, стук вагонных колес дает толчок стихам не о железной дороге, а о расстреле Гумилева. Из эссе же следует, что Ахматова всю жизнь (еще с колясочек в Царском Селе) была как бы медиумом Пунина.

И шире — всех Пуниных: она реагирует стихами на смерть его брата, его третьей жены, и т.д. Чем ближе к концу, тем больше Пуниных, Ахматова бродит исключительно между ними. Это вызывает в памяти очаровательную реплику старой уже Ахматовой, сделанную в гостях у московских друзей и приведенную Лидией Чуковской в ее знаменитых «Записках». «Через 50 лет кто-нибудь скажет, что лично звал моих близнецов от Жоры (такой подросток сюда ходит). Один был миленький, миленький, а другой ужасно, ужасно неудачный...»

Все это не требовало бы никаких возражений, будь оно литературным развлечением «архитектора и художника», как объявлено в журнале, ну и, скажем, сочинителя Зыкова. Подобные сочинения появляются регулярно, достаточно вспомнить «народное» пушкиноведение недавних лет. Таким макаром очень даже неплохо ложится «Я помню чудное мгновенье» на Арину Родионовну, а «Подруга дней моих суровых» на Анну Керн. Но что делает такие занятия недопустимыми, это неизбежное влезание в личную жизнь поэта, в ящик его письменного стола, в постель. Было, дескать, не так, а вот так. Думать и, тем паче, писать такое можно, только если не верить, что поэт встретит тебя на том свете и постойт за свою честь. И что он не ответит тебе из-за гроба еще на этом свете. Представим себе, что в книге «Рассказы о Анне Ахматовой» я опубликовал далеко не все ее письма мне, и представим себе, что в одном из неопубликованных есть сделанный ее рукою список героев и адресатов тех или иных ее стихотворений.

Да просто представим себе, что, как это было каких-нибудь 30 лет назад, Анна Андреевна входит в комнату, в которой среди прочих находится зять И.Н.Пуниной — все тот же Леонид Зыков. Станет он тогда при ней, перед ней утверждать, что то, что она сама отчетливо заявляет, что адресат «Cinque» и «Шиповника» — Исаяя Берлин, это предпринятая ею с целью, совсем необидительно объясняемой, «тонкая и упрямая» мистификация читателей? Почему, только оттого, что Ахматова физически мертва, терять ту почитительность, которую испытывал к ней при жизни?

В редколлегии «Звезды» ребята удалые, половину я знаю лично, и то, что мной сейчас написано, более или менее известно и им. Разумным объяснением, почему они это опубликовали, мне кажется то, что опубликование эссе могло быть поставлено условием публикации переписки Пунина и Ахматовой. Публикатор же, вообразите, архитектор и художник Леонид Зыков.

А все вместе тем более печально, что Пунин сам по себе фигура значительная, его отношения с Ахматовой — насыщенные во всех тонах и оттенках, и при корректно расставленных ударениях тема «Пунин в стихах Ахматовой» захватывающе глубока и плодотворна.

АНАТОЛИЙ НАЙМАН

Москва